

П. Чилтон *

СМЫСЛ БЕЗОПАСНОСТИ¹

«And you all know security is mortals' chiefest enemy»², – так говорит Геката трём ведьмам в пьесе «Макбет». Современный читатель может на секунду замешкаться, пытаясь найти смысл в этих словах, ведь в XX в. *security* стала «самым добрым людским другом» в англофонном мире. Слова Гекаты кажутся парадоксальными, до тех пор пока мы не подойдем критически к самой культуре безопасности. Хотя Шекспир и его современники и начали употреблять слово безопасность в современном смысле, они знали и иное толкование этого слова, основанное на латинской этимологии. Слово безопасность (*security*) происходит от приставки *se* (без) и корня *cura* (забота), т.е. буквально означает порицаемо «без-заботный». Изменение смысла с позитивного на негативный связано с процессами изменения общества в раннем Модерне, и в частности – с ростом политической культуры, связанной с формированием национального государства. Подобные семантические генеалогии демонстрируют относительность лингвистически кодированных концептов. Но остается очень важный вопрос: если слово *безопасность* (*security*) более не означает того, что оно означало для шекспировских ведьм, то что же оно значит теперь, в XXI в.?

---

* Чилтон Пол, ассоциированный исследователь Центра прикладной лингвистики Университета Уорик, почетный профессор Университета Ланкастера.

Chilton Paul, Associate Fellow in the Centre for Applied Linguistics, Warwick University; Emeritus Professor, Lancaster University.

¹ Оригинал был опубликован в 1996 г.: Chilton P. The meaning of *security* // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relations / F.A. Beer and R. Nariman (eds.). – East Lansing: Michigan state univ. press, 1996. – P. 193–216. Перевод с английского языка публикуется с разрешения автора.

² Дословно: «Вы все знаете, что беззаботность – главный враг смертных». Автор статьи обращает внимание на то, что Шекспир, имея в виду «беззаботность», использует в этой фразе слово *security*, которое в современном английском означает «безопасность». В существующих художественных переводах «Макбета» на русский можно найти разные варианты перевода этой фразы: «самый злобный враг людской – // самонадеянный покой» (М. Лозинский), «беспечность – людям враг» (С. Соловьев), «людей погибель – в похвальбе, // в уверенности их в себе» (Б. Пастернак). – Прим. пер.

Точнее, какие концепты, образы и эмоции пробуждаются, когда кто-то слышит или произносит это слово? Если нынешний смысл обретается вследствие исторических, социальных и политических изменений, а не в ходе произвольной игры языка, то как хорошо этот концепт будет работать в период драматических изменений? Может быть, старый смысл – «отсутствие заботы» – действительно сослужит нам лучшую службу?

Политическая наука, язык, смысл

Если концепт *безопасность* укоренен в языке и культуре, то первым делом необходимо освободить его из них. Как это сделать? Язык и смысл всегда были в поле интересов тех, кто размышлял о природе политики. Мюррей Эдельман одним из первых ясно и наиболее отчетливо обратил внимание на центральные положения языка, смысла и метафоры в политической культуре. Для него язык – основа реальностей и главный элемент всякой символической активности. В частности, в своем смысло-ориентированном подходе к политической культуре он рассматривает «метафору и миф» в качестве центральных элементов. В некоторой степени его взгляд на язык отражает традиции лингвистического релятивизма Сепира и Уорфа. Так, Эдельман утверждает: «В выработке убеждений языковые формы играют критическую роль; они делают это такими способами, которые мы не можем сознательно воспринять, и потому неочевидны» [Edelman, 1971, p. 67].

Хотя концепция метафоры сформулирована у Эдельмана слишком неопределенно, она в тоже время удивительно хорошо совместима с подходом, принятым в когнитивной лингвистике.

«Мысль метафорична, и язык пронизан метафорами, так как все неизвестное, новое, непонятное и отдаленное понимается через восприятие уже известного. Таким образом, метафоры определяют паттерны восприятия, на которые реагируют люди» [ibid., p. 68].

Эдельман отмечает еще одно свойство метафоры – она отбирает определенные перцепции и игнорирует остальные. Для него политическое значение метафоры состоит в том, что она предстает как инструмент оформления политической поддержки и оппонирования, создания допущений, из которых вырастают решения [ibid., p. 68]. Речь идет не о пышных риторических соцветиях выступлений политических ораторов, но о паттернах мысли, которые представляются естественными в политической культуре. Эдельман утверждает, что политическая речь «пробуждает самые сильные ощущения скорее через воспринимаемые как данность метафорические образы, нежели через эксплицитно отстаиваемые воззрения» [ibid., p. 69].

Идеи Эдельмана не нашли своего применения в исследованиях международных отношений и международной безопасности, несмотря на на-

личие в этой области множества работ, делающих в духе постструктурализма отсылки к языку [напр.: Ashley, 1986; Campbell, 1992; Dalby, 1990; International / intertextual relations, 1989; Walker, 1987; One world... 1988; On the Spatio-temporal... 1990; Inside / outside, 1993]. Впрочем, неверно будет сказать, что теоретики ортодоксальной теории международных отношений не интересовались смыслом понятия *безопасность*. На самом деле исследователи, которые занимались всесторонним изучением концепта безопасности, подчеркивали ее внутренне проблемную природу. Частично их замешательство можно объяснить большей или меньшей приверженностью дискурсу реализма или же связать с тем, что понимание природы концептов и языка делало их излишне озабоченными поисками ясности. Например, Арнольд Уолферс в 1945 г. работал во влиятельном Брукингском институте, а через 20 лет написал статью «О национальной безопасности как неопределенном символе» [Wolfers, 1962, ch. 10]. Еще через 20 лет, в 1983 г. вышла важная и новаторская работа Барри Бузана, в которой отстаивался похожий тезис. Стремясь проложить курс между реализмом и конструктивизмом, он отмечал, что, с одной стороны, безопасность – это, выражаясь словами У.Б. Галли, «сущностно оспариваемый концепт» (essentially contested concept). С другой стороны, Бузан ставит вопрос о том, где в реальном мире есть референт существительного *безопасность*, предполагая в объективистской манере, что такой референт должен существовать [Buzan, 1991; Gallie, 1955].

Подобные исследования не порвали ни с реалистской эпистемологией, ни с политической теорией реализма. Основная исследовательская оптика Бузана во многих отношениях остается неореалистской. В поисках объективного референта слова *безопасность* Бузан пользуется организующей рамкой, в которой дискурсивный универсум по-прежнему структурируется моделью трех уровней глобальной политики Кеннета Уолтца. Первый уровень – это уровень индивида в государстве, второй – уровень самого государства с его ограничивающими и защитными внешними границами, а третий – внешний мир, мир анархичной международной системы. Эти элементы, «внутреннее», «граница», «внешнее», рождены мощным и убедительным пространственным представлением о непроницаемом вместилище (container), которое постоянно используется в семантике естественных языков и является в них источником большого количества метафорических выражений. Более того, с эпохи раннего Модерна и до конца XX в. образ вместилища лежит в основе западного политического дискурса, центрированного на государстве, суверенитете и безопасности.

Теперь вернемся к идеям Эдельмана о важности языка и в особенности метафор для политического мышления и принятия решений. Лингвистический элемент важен по трем причинам. Во-первых, это наше главное свидетельство существования неявных убеждений, которые лежат в основании международного политического дискурса. Во-вторых, он сам по себе составляет саму суть политического взаимодействия, и потому его

надо анализировать именно как форму действия. В-третьих, любое частное использование некоторого языка разделяет семантическую систему этого языка с другими людьми, говорящими на этом языке.

Это не значит, что языковые смыслы постоянны. Под семантической системой я понимаю систему минимальных смыслов, разделяемых говорящими, на основе которой появляются и применяются более богатые и более точные контекстуальные смыслы в процессе коммуникации. Из этого следует, что нам необходимо принять во внимание отличительные аспекты определенной лингвистической (семантической) системы и аспекты, связывающие системы убеждений с культурой, которая может более или менее сознательно влиять на концептуализацию и на образы взаимодействий.

Многие аспекты лингвистической системы влияют на политический дискурс и связанные с ним концептуализации, но в этой главе я продолжу линию Эдельмана с его упором на метафоры, хотя мое понимание и анализ метафор основываются скорее на концепциях из когнитивной лингвистики.

Моя цель – сделать явным присутствие метафор в лингвистических и когнитивных способностях людей, живущих в политиях, в которых дискурс производит концепт безопасности в ряду других близких концептов. В некотором смысле это та цель, которую Бузан преследовал другими средствами, а именно – «очертить сферу безопасности как сущностно оспариваемого концепта... определить концептуальные подструктуры, на основе которых эксперты по изучению политических стратегий и другие аналитики проводят массу эмпирических исследований» [Buzan, 1991, p. 14].

Метафора и политические концепты

Исследования в когнитивной семантике не раз показывали, что физический опыт раз за разом оказывается метафорической основой для ключевых аспектов смысла, в частности для полисемии и идиоматических выражений. Данный факт важен для понимания текущих и потенциальных концептуализаций международных отношений, обороны и безопасности. Многозначные слова, идиоматические смыслы и выражения, эксплицитно представленные в качестве метафор, можно понять в качестве систематических, т.е. не просто как произвольные, случайные или уникальные переносы смысла из исходных сфер физического и социального опыта людей. Исходные сферы могут быть двух типов, хотя они пересекаются и разнятся от культуры к культуре¹. Первый тип – это телесный опыт. Кажется, что взаимодействие человеческих тел с объектами в пространстве порождает когнитивные образы-схемы, гештальты, кинестетические образы. Они

---

¹ О таком взгляде на концепты и метафоры см.: [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1986; Women, fire... 1987; Sweetser, 1990].

суть доконцептуальная основа концептуальной и лингвистической организации. Естественно, это не единственные факторы, влияющие на лингвистическую и концептуальную структуру, но ниже мы увидим, что именно они откроют нам путь к понимаю таких систем мысли, как реализм.

Вторым типом источников для метафорических выражений является культурный опыт, хранящийся в виде стереотипных фреймов и сценариев (scripts). Подобные источники сильнее связаны с культурами, чем кинестетические изобразительные схемы. Они включают такие сценарии, как социальные ритуалы, игры и даже пространственные фреймы (spatialized frames), вроде зданий, с релевантными сценариями для входа, посещения, выхода и ухода. Очевидным примером здесь является любовь американцев к использованию бейсбольных метафор для политики и покерных метафор для соперничества в международных отношениях. Некоторые культурные метафоры берут свое начало в социально-экономических типах организации. К примеру, индустриальное общество породило метафору «время – деньги», которая стала частью стабильного ядра современного словаря и, соответственно, основой для целой системы выражений: время можно *купить*, *потратить*, *потерять*, *вложить*, *использовать с пользой*, им можно *распоряжаться* и т.д.

Стоит сосредоточиться на четырех специфичных доконцептуальных структурах, в которых физическое и культурное основания по-разному сочетаются. Исторически они все служили источником для метафорической концептуализации международных отношений, обороны и безопасности. Первый доконцептуальный образ – это упоминавшаяся схема ВМЕСТИЛИЩЕ (CONTAINER schema). Она состоит из трех ключевых элементов – внутреннее, граница, внешнее. Эта схема выступает в качестве основы понимания слов *внутри* и *снаружи* (inside and outside). Она настолько органично вошла в наши лингвистические и концептуальные системы, что мы обычно ее даже не замечаем. Например, ее можно найти в настолько далеких друг от друга областях, как поле зрения и социальные отношения, – *войти в поле зрения*, *выйти из поля зрения*, *быть в поле зрения*, *попасть в поле зрения* – *вступить в отношения*, *выйти из отношений*. Для реалистского политического дискурса особенно важен тот факт, что схема ВМЕСТИЛИЩЕ тесно связана с концептуализацией человеческого тела, хотя в конкретных манифестациях они сильно зависят от культуры и гендера. По крайней мере, тело концептуализируется как нечто, имеющее внутреннее, внешнее и границу, отделяющую одно от другого. Границу можно определить как кожный покров или как личное пространство, она может быть выпирающей, а может и не выдаваться. Не менее важно то, что концептуализация тела может быть связана с другими многочисленными схемами и сценариями. Из них самыми очевидными представляются сценарии болезни и роста, которые в свою очередь можно связать с другими схемами и сценариями. Болезни обычно представляют как нечто, вторгающееся в тело извне, т.е. их восприятие базируется на схеме

ВМЕСТИЛИЩА и на военном сценарии. Основанная на таком наборе представлений метафора *политического тела* (body politic) дала западному политическому дискурсу рамку для анализа государства-нации и для рассуждений в дискурсивной аргументации о внутренней и внешней политике государства. Реконструировать комплексные системы, лежащие в основе некоего дискурса, можно через рассмотрение знания носителя языка о том, что такое «грамматическое» или «естественное» в его языковой культуре, которая также является частью политической культуры. Концептуализация государства (state) и человеческого тела как вместилища (container) дает особенно сильно связанную сеть потенциальных следствий, которые могут объяснить, почему доминирующий концепт государства не только аффективно нагружен, но и, по-видимому, имеет псевдоестественную, принимаемую за данность очевидность в политическом дискурсе современности. Это также помогает объяснить постоянство и видимую естественность, с которой государство рассматривается как цельная личность в политическом дискурсе.

Так как метафоры влекут за собой цепочки заключений из исходных концептуальных схем и сценариев, то метафора тела потенциально влечет за собой набор таких концептов, как *побуждение, инкорпорирование, обезглавливание, опухоль, хирургическое вмешательство, общественные недуги* и лекарства от них и т.п. Метафорические рассуждения можно применить к хорошо известным примерам. Так, если коммунизм – это агрессивный организм, заразная болезнь или злокачественная опухоль, то из этого следует, что политическое тело надо оздоровить, или что надо остановить распространение болезни, или вырезать пораженный болезнью участок. Подобные выводы делают в сфере метафор, но их можно перевести в прагматическое поле политического, социального или военного действия. Схема ВМЕСТИЛИЩЕ также связана с культурно-относительными когнитивными фреймами вроде дома, форта, городской стены и т.д. Эти концептуальные связи между схемой вместилища и образом тела, а также культурно укоренными формами укреплений могут объяснить эффективность риторики Рональда Рейгана о Стратегической оборонительной инициативе (СОИ). Несмотря на технологическую невозможность, непроницаемая СОИ, «крыша», «панцирь» или «щит» в когнитивном плане внушали доверие и были естественными метафорами¹. Другой пример – «Европейский дом» Горбачёва, который в конце 1980-х стал концептуальным инструментом в дебатах о будущем безопасности и о политических формах для Европы. В данном случае образ вместилища породил концепцию ограни-

¹ Существование концептуальных связей с вместилищем подтверждается этимологиями: английские слова shield (*щит*) и shell (*ракушка, панцирь*) имеют общее происхождение; римляне называли осадное оружие с защитной крышей *testudo* (*чепенеха*, от *testa* – *горшок* или *ракушка*); английский глагол *protect* (*защищать*) включает в себя латинскую морфему, означающую *покрытие* или *оболочку*.

ченной политической единицы, а дискурс сфокусировался на переопределении Европы. Разные понимания формы и функции прообраза – западного *house* (один свободно стоящий семейный дом) и русского *дом* (множество квартир под одной крышей) – породили отличные и противоречащие друг другу политические последствия.

Опыт физических связей между объектами и между телами выступает основой для другой метафорической схемы – схемы ЗВЕНО (LINK). Особенно важной разновидностью для семантики безопасности служит случай подвижного или незакрепленного предмета, зафиксированного или стабилизированного через прикрепление к неподвижной основе. Схема звена метафорически проецируется на концепты (например, в сфере социального мы говорим о *связях, узах, привязанности* – *bonds, ties, attachments*), на абстрактные понятия (когда мы рассуждаем о цепочках каузальных *связей* или логических *звеньях*), на обязательства, которые *связывают* человека. Подобные концептуальные структуры проявляются разнообразными способами как в реалистском дискурсе, так и в дискурсе международного сообщества.

Третьей схемой, которая имеет широкое распространение, является схема ПУТЬ (PATH), основа которой обнаруживается в физическом опыте перемещения и хождения на двух ногах. В нее входят такие структурные элементы, как начальная точка (происхождение), конечная точка (место назначения), препятствие, тропа и направленность в сторону точки назначения. Как и у всех образных схем, у нее есть своя логика: предполагается, что пункт назначения есть в поле зрения или в уме, как и препятствия, через которые надо добраться до цели без отклонения. Надо также сказать, что акцентирование какого-либо из этих элементов зависит от конкретной культуры или конкретного дискурса. Таким образом, фокусироваться на направленности, на единственном пути и на конечной цели означает быть целеориентированным. Сосредоточение только на цели может давать предопределенность или предустановленность. Фокусирование на исходном пункте может предполагать наличие миссии, т.е. роль посланника какой-то силы. Ориентация на путь или цель, когда путь неизвестен, ведет к появлению концепта поиска (*quest*). Схема ПУТЬ служит основой для абстрактных концептов вроде категории цели и политических концептов, таких как историческое прошлое или политическое будущее. Подобные лексические рефлексы можно найти в выражениях «дорога к социализму», «политические цели», «путь к миру», «демарш», «сближение» и многих других. Безопасность сама по себе часто предстает как предмет поисков (*goal of a quest*). В реалистском дискурсе схема пути является частью набора образов и смыслов для концептуализации государства. Мы уже видели, что государства метафорически представлены как тела и одновременно как личности. А так как у личностей есть цели и направленное движение, то и государствам приписываются наличие физического движения и целенаправленность действий. Более того, так как государства метафорически

являются ВМЕСТИЛИЩАМИ (containers), то их движение влечет за собой движение границ – т.е. экспансию, оказание давления на сопредельные вместилища.

Отношения между этими концептуальными моделями и действительным поведением государств довольно сложны. Возможно, что государства или некоторые из них действительно проводят экспансионистскую политику. Может даже быть так, что концептуальная модель, положенная в основу их дискурса, побуждает их действовать таким образом и ожидать того же от других государств. Однако государства не будут всегда с необходимостью следовать экспансионистской модели, будь они привержены этой схеме или нет. Проблема данной системы мышления, которая объясняет и конструирует государства как целенаправленные экспансионистские тела, состоит в том, что она генерализирует, натурализует и легитимирует подобные ожидания.

Четвертой важной изобразительной схемой является схема динамики СИЛЫ (FORCE). Данная изобразительная схема берет начало от физического опыта давления и сопротивления, как оказываемых, так и получаемых, – т.е. от надавливания и удара или, наоборот, от получения толчка, удара [Johnson, 1987; Talmy, 1988; Sweetser, 1990]. Скорее всего, опыт бокового толчка и тяги (lateral push and pull), гравитационной силы и опыт равновесия являются самыми важными случаями. Опыт давления и сопротивления можно представить на шкале от полной блокировки до абсолютной свободы. Кажется, что эта схема важна в целом ряде лингвистических структур, включая категории модальности (возможность, необходимость, дозволенность). Образы СИЛЫ на уровне здравого смысла служат основой понимания движения физических тел, но со времен Ренессанса они создают также материал для понимания и, возможно, создания отношений – дипломатических и военных – между суверенными государствами. Кажется, что метафоры, произведенные от классических концептов гравитации, динамики, гидравлики и магнетизма, стали основой политических дискурсов и со временем стабилизировались в лексиконе до такой степени, что их смысл и правила использования оказываются автоматически известны всем социализированным носителям языка. Лексическая стабилизация позволяет объяснить, почему такие конвенциональные метафоры распространены одновременно в речах политиков и в языке исследователей международных отношений. Однако экспертные дискурсы используют метафоры и их следствия более насыщенным и выверенным образом. Метафорическая структура ключевых терминов обычно не признается, но становится очевидной, когда термины раскрываются: *стабильность, баланс сил, выравнивание, равновесие, вакуум, притяжение, давление, полярность* и т.д.

Особый случай, центральный для реалистского дискурса, – это семантическое подполе силы, власти и влияния. Концепция силы зависит от проекции схемы физической СИЛЫ и связанных с ней концептов причин-

ности. Концепты власти (power) и влияния (influence) обычно понимаются в дискурсе в смысле гидравлической силы и схемы вместилища. Этимология слова *влияние* (в + лить, англ.: influence – in + flow – «в + литься») ясно отражает данную связь. Все три лексических единицы с их оспариваемыми смыслами отчетливо принадлежат к нашей культуре, являясь частью схемы физической СИЛЫ. Внутренняя логика гидравлической метафоры имеет два крайне важных следствия. Первое состоит в том, что жидкость (власть или влияние) оказывает постоянное давление на вмещающие ее сдерживающие поверхности и имеет склонность распространяться, растекаться, выплескиваться, оказывать давление, проникать в любое из соседних вместилищ. Второе состоит в том, что вследствие этого и согласно соответствующим когнитивным концептам необходимо сдерживать жидкость, предотвратить утечку, остановить поток, предотвратить затопление и т.д. Конечно, существуют и дополнительные метафоры, когерентные с метафорой жидкости, которые также можно использовать для описания распространения влияния. Лучше всего известна теория домино – по сути, это метафора динамики силы, отражающая причину и следствие в простых механических образах.

Носители английского языка (и не только они) полагают значительную часть этих метафор естественными. Заметно, что данные метафоры, заполнившие дискурс, по своему характеру являются систематическими и продуктивными, а не произвольными и идиосинкратическими. То есть они имеют следствия в конкретном процессе познания и коммуникации. В сфере международных отношений некоторые следствия можно суммировать следующим образом.

1. Концепты, функционирующие в политическом дискурсе, имеют те же когнитивные источники, что и концепты общего лексикона в целом. Соответственно, концепты и метафоры, используемые в политическом дискурсе, кажутся естественными, потому что в некотором смысле они таковыми и являются. Они также кажутся необходимыми, что, конечно, не так.

2. Концептуальные системы, включающие метафоры, неизоморфны с некоторой существующей «вовне» реальностью. Разные лингвистические культуры имеют разные кодирующие модели, а разные дискурсы используют разную селекцию и разное применение слов из их языков. Можно концептуализировать и коммуницировать, используя разные модели. Хотя языки и дискурсы не ставят абсолютных преград для концептуализации, принятые и допускаемые концепты могут казаться единственно возможными и естественными для тех, кто ими пользуется.

3. Концептуальные модели, включающие метафоры, могут быть более или менее применимы, полезны или бесполезны для определенных ситуаций. Их применимость может измениться вслед за изменением контекста. Но поскольку они кажутся естественными и являются частью комплексных сетей ассоциаций, то существующие метафоры будут сохраняться.

Данные наблюдения ведут, подкрепляют гипотезу. Дискурс международных отношений – как в практике, так и в академической дисциплине – ограничен степенью укорененности этих моделей и степенью их рефлексивного восприятия. Изменения происходят через изменения в дискурсе: отчасти это влечет за собой изменения в метафорах. Таким образом, лингвистический анализ и дискурс анализ могут играть большую роль в производстве такого изменения.

Метафорические основания безопасности и сдерживания

Семантика слова *security* (безопасность), как ее понимали ведьмы из Макбет, происходит от его этимологии. Но в современном английском такого содержания в понятии безопасности уже нет. Можно показать, что семантика слова *security* (безопасность) и связанного с ним *secure* (безопасный, обезопасить) сильно зависит от образных схем ЗВЕНА и ВМЕСТИЛИЩА, а также от их метафорических расширений. Это очевидно из систематичности полисемии этих слов, из образуемых с ними сочетаний и идиом, с которыми они обычно употребляются. Зависимость от специфических изобразительных схем делает их частью ядра социальных и политических концептов¹.

Часть современной семантики безопасности связана с уверенностью (*certainty*) и надежностью (*surety*) – с понятиями, выражаемыми как метафоры, основывающиеся на ЗВЕНЕ, в его варианте, связанном с закреплением нестабильных объектов. То есть *обезопасенный* (*secured*) понимается в том смысле, в каком говорится о свободных предметах, закрепленных (*secured*) какой-то физической связью. Таким образом, один из концептуальных элементов в понимании безопасности связан с отсутствием движения, статикой и, выражаясь более точно, с физическим ограничением нежеланного движения. Так как пространственные концепты (особенно ПУТИ) накладываются метафорически на время, мы также говорим об отсутствии и предотвращении нежелательного движения во времени, т.е. нежелательного изменения: безопасность выступает как гарантия определенного состояния дел на протяжении времени. Частое использование слов *безопасность* и *стабильность* в связке подкрепляет данный анализ в том, что касается концепта изменений. В английском дискурсе безопасности такие выражения, как *tight security* (*усиленные меры безопасности*, буквально: *тугая безопасность*), *slack security* и *loose security* (*ослабленные меры безопасности*, буквально: *провисающая безопасность* и *развязанная безопасность*), также отражают метафору ЗВЕНА, хотя здесь есть и наложения других метафорических структур.

---

¹ Более детальное рассмотрение этих идей см. в: [Chilton, 1995].

Кажется, что самые существенные современные смыслы безопасности зависят от структурных элементов схемы ВМЕСТИЛИЩА, особенно важен в этой изобразительной схеме элемент границы. Если что-то находится в безопасности (*is secure*), то тогда никто не может попасть внутрь или выйти оттуда. Примеры этому: «*secure building*» («безопасное здание»), «*secure prison*» («охраняемая тюрьма», буквально: «безопасная тюрьма») и «*secure computer program*» («безопасная компьютерная программа»). Предлог «в» метафоричен, хотя это его качество редко распознается. Он часто является подсказкой: «*in the security of their own homes*» («спокойно у себя дома», буквально: «в безопасности своих домов»), «*secure in their beliefs*» («уверенный в своих взглядах», буквально: «безопасный в своих взглядах»). Важно, что схема ВМЕСТИЛИЩА имеет две ориентации – вовнутрь и вовне: вместилище препятствует как движению вовнутрь, так и движению изнутри. Можно обратить внимание на существование таких выражений, как «*penetration of security*» («нарушение безопасности», буквально: проникновение в безопасность) и «*leaks of security*» («утечки в безопасности»), а также «*security leaks*» («безопасность нарушается», буквально: «безопасность утекает») и «*breach (hole) insecurity*» («брешь (дыра) в безопасности»). Такие фразы подразумевают возможность движения в обоих направлениях: вовне и вовнутрь.

Элемент границы в дискурсе может приобрести метафорическую конкретность. В естественных языках лексически закодирован наш опыт взаимодействия со множеством ограниченных защитных поверхностей вроде оберток, крышек, крыш, стен, заборов, раковин, щитов. Все эти слова органично вошли в военные и стратегические концептуализации: «прикрой войска огнем», «СОИ станет непроницаемым астродомом, щитом, крышей» (*astrodome, shell, roof*), расширенное сдерживание в дискурсе холодной войны должно было обеспечить «ядерный зонтик над Европой». Конечно, граница-поверхность не функциональна, если в ней есть дыры, – отсюда такие выражения, как «дырявые системы ПРО» (*leaky ABM systems*) или «окно уязвимости» (*window of vulnerability*)¹. В американском дискурсе безопасности одной из наиболее важных граничных метафор была метафора «периметра безопасности» (*security perimeter*), которая в ходе холодной войны постоянно переопределялась и уточнялась. Внутренняя логика изобразительной схемы подразумевает, что чем дальше и чем яснее линия периметра, тем дальше ваш противник (вне вместилища) и, следовательно, тем более вы в безопасности (внутри вместилища и обычно в его центре). Это особенно верно, если враг – посторонний (*outsider*) – концептуализируется как находящийся на неизбежном экспансионистском пути по направлению к вам.

¹ Литературно-риторические размышления об аргументе «окна уязвимости» в политике в 1970-е годы см.: [Mailloux, 1989]; скорее критический, чем риторический подход к этой теме см.: [Kaplan, 1983].

Схема ВМЕСТИЛИЩЕ входит в семантическую целостность дискурса безопасности множеством способов, зависящих от локального контекста и решаемых задач. Например, она связана с семантическими оппозициями, которые сосредоточены вокруг понятия незащищенности (*lack of protection*), уязвимости (*exposure* – этимологически: *выставление наружу*), незащитности (*vulnerability*), опасности (*danger*). Уязвимость концептуализируется как ситуация полного отсутствия покрытия или отсутствия покрытия, которое было бы непроницаемым, как отсутствие крыши или стен, как стены с дырами и т.д. Сила выражения «окно уязвимости» идет от его естественной укорененности в концептуальной системе схемы вместилища.

Возможно, схема ВМЕСТИЛИЩЕ была концептуальным мотиватором и / или главным легитимизирующим инструментом для многих доводов и положений из стратегических доктрин, как и для многих решений и исследовательских проектов в программах по разработке вооружения.

Можно предположить, что как только появились воздушная бомбардировка и межконтинентальные баллистические ракеты, понятия о физически защищенных вместилищах, от замков до континентов, оказались фундаментальным образом подорваны. Концепты уязвимости стали доминировать, даже чересчур. Как минимум отчасти это обусловлено аффективной и когнитивной силой схемы вместилища, ее ролью в концептуализации телесного опыта, ее распространенностью в семантике английского лексикона.

В этом случае следуют два вывода. Первый: аргументы тех, кто во времена холодной войны выступал за возведение оборонительных щитов в той или иной форме, могли звучать правдоподобно на наивном когнитивном уровне, поскольку были основаны на естественности схемы вместилища. Второй вывод состоит в том, что верны и обратные аргументы тех, кто, как Роберт Макнамара, выступал за минимальное сдерживание, основанное на взаимной уязвимости (*mutual vulnerability*), – когнитивно неудобная позиция. Как может безопасность, основанная на схеме вместилища, быть основана на уязвимости – антитезисе вместилища? Во время холодной войны дискурс безопасности имел тенденцию колебаться между этими двумя позициями. Результатом была когнитивная нестабильность всех дебатов о сдерживании (даже до того, как горбачевская дипломатия выбила из под нее концептуальную опору, убрав главного врага).

Основанный на схеме контейнера концепт безопасности в контексте американской идеологии имеет глубокие исторические корни. Результаты когнитивного анализа здесь согласуются с нарративными сценариями Чейса и Карра, которые считали, что американская внешнеполитическая традиция структурирована вокруг «поиска абсолютной безопасности с 1812 г. и до звездных войн», а также описывали предложение о СОИ как «возврат к попыткам создать непроницаемый щит, который обеспечит защиту границы и отечества» [Chase, Carr, 1988, p. 307]. В сущности, гипотеза

теза Чейса-Карра состоит в том, что на американскую внешнюю политику влияет историческая память, которая производит и воспроизводит поиск закрытого вместилища безопасности. Когнитивный лингвистический анализ показывает, как такая историческая память концептуально обоснована и структурирована и как она конкретизируется в вербальной субстанции дискурса.

Схема ВМЕСТИЛИЩЕ была частью дискурса безопасности в послевоенные годы и лексически отразилась в стратегии, известной как *сдерживание* (containment¹). Для реалистов данная политика была рациональным ответом на угрозу, исходящую от Советского Союза. Однако возможны и другие интерпретации. Например, Дебора Ларсон (Deborah Larson) утверждает, что теория реалистов предсказывает столкновения двух сверхдержав, но не объясняет форму, в которой это столкновение происходило во время холодной войны, как и не объясняет, почему не принимались другие внешнеполитические решения, например меры более кооперативной направленности, которые бы признавали за СССР право на безопасность и другие нужды. Далее Ларсон утверждает, что необходимо использовать когнитивный и социально-психологический подходы, для того чтобы объяснить то, что реализм не объяснил [Larson, 1985]. Однако ее подход упускает из виду метафоры, несмотря на то что Ларсон постоянно обращается к важнейшим речам и текстам, и, конечно же, признает роль метафоры и аналогии в эволюции политических концептов.

Слово *сдерживание* и концептуальная схема, в которой оно укоренено, являются продуктом атмосферы нестабильности, сложившейся после Второй мировой. Перед Джорджем Кеннаном, бывшим поверенным в делах в московском посольстве США, поставили задачу проанализировать ситуацию в СССР после речи Сталина в Верховном Совете в феврале 1946 г., в которой увидели угрозу. Летом 1947 г. Кеннан дал имя концепту и политическому курсу сдерживания в своей статье «Истоки советского поведения», изданной под псевдонимом «Х». В заглавии использовалась неявная метафора, которая на самом деле была глубоко имплицирована в высказанных в эссе аргументах. Изучая метафоры вместилища, предположительно включенные в семантику словаря «Длинной телеграммы» и статьи, написанной под псевдонимом Х, можно точно указать те организующие принципы, которые придают текстам их концептуальную связанность.

Оба документа разделяют допущение, что СССР – это сущность, напоминающая вместилище. Эта неявная концептуальная модель создает лексическую целостность, основанную на оппозиции внутреннего и внешнего. В качестве исходной посылки (производной от геополитики Маккиндера и Спайкмана) Кеннан полагал, что Советский Союз страдает от «инстинктивного чувства незащищенности», которое возникло вследствие

¹ В английском языке слова *container* («вместилище») и *containment* («сдерживание») однокоренные. Один из смыслов слова *containment* – «вместимость». – Прим. пер.

жизни на обширных открытых территориях и которое в свою очередь ведет к страху «иностранный вторжения, прямого контакта между западным миром и своим собственным, боязни того, что может случиться, если русский народ узнает правду о внешнем мире», и к росту военной мощи, чтобы «обеспечить внешнюю безопасность своего внутренне слабого политического режима». Советская личность сама по себе была представлена как вместилище, как одержимо скрытная и как не знающая про внешний мир. Так как схема вместилища может быть использована для создания объективистской эпистемологии, согласно которой «факты» можно обнаружить во «внешнем мире», и поскольку субъективный «внутренний» мир считается иррациональным, советскую индивидуальность можно описать как «невосприимчивую к логике рассуждений», подвластную «самовнушению» и другим формам иррациональности [The Chargé... 1946].

Таким образом, геополитические, психологические и эпистемологические представления подкрепляются схемой вместилища. Этот концептуальный конструкт позволил делать метафорические выводы с политическими последствиями: хотя СССР и не воспринимает рациональные аргументы, он «весьма восприимчив к логике силы» [ibid., p. 707]. Возможности потенциальных выводов в длинной телеграмме весьма существенны, потому что формат телеграммы оставляет читателю задачу заполнения дискурсивных связей (выражающих каузальные или логические отношения, например).

С этими метафорами тесно связан и второй набор шаблонных схем и сценариев, которые служат источником знаний о теле и болезни. Предполагаемая советская интроверсия и сопротивление реальному внешнему миру подаются как психическая болезнь. Снова метафорические выводы используются для выработки предположений о политическом курсе. Переходя от Советского Союза ко всему коммунистическому «движению», которое в телеграмме представлено как исходящее из центра советского вместилища, Кеннан утверждает: «Мы должны изучить его с такой же решимостью, беспристрастностью, объективностью и эмоциональной грамотностью, с какими врач изучает непослушного и неблагоразумного пациента».

В тексте присутствуют и другие метафорические связи. Физические болезни обычно понимаются как заразные и способные распространяться. Здесь же эти свойства переносятся на психическую болезнь советской идеологии: «Многое зависит от здоровья и энергии нашего собственного общества. Мировой коммунизм подобен болезнетворному паразиту, который питается только пораженными тканями» [The Chargé... 1946, p. 708].

Третий набор образов связан со вторым через концепт движения наружу, за пределы вместилища, который в свою очередь связан с метафорами СИЛЫ, особенно гидравлической и механической, и ПУТИ. В частности, статья X разворачивает эту концептуальную сеть в качестве основы для

своих выводов, при этом сохраняя связь с фоновым географическим аргументом и дискурсами, концептуализирующими политическую власть как субстанцию, которая может вливаться во вместилище и выливаться из него.

«Его [Кремля] политика – это плавный поток, который, если ему ничто не мешает, непрерывно движется к намеченной цели. Его главная забота – во что бы то ни стало заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти. Но если на своем пути он наталкивается на непреодолимые барьеры, он воспринимает это философски и приспосабливается к ним. Главное, чтобы не иссякал напор, упорное стремление к желанной цели» [The sources... 1946–1947]¹.

Концепт *сдерживания* вытекает из такого рода метафорических допущений. Существенная часть конвенциональных концептуализаций иррациональных эмоций, инстинктивных порывов, неуправляемых людей, инфекционных заболеваний и жидкостей строится на том, что они мыслятся как требующие «сдерживания», удержания в каком-то ограничивающем месте². Таким образом, наименование *сдерживание* влечет за собой целую метафорическую систему и зависит от начального набора допущений – главным образом, гласящих, что советская власть – жидкая субстанция, выплескивающаяся наружу через «каналы», оказывающая давление на некоммунистический мир и проникающая в него, и что Советский Союз – психически нездоровый пациент, нуждающийся в ограничениях: «В данных обстоятельствах краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России» [The sources... 1946–1947, p. 575].

Метафорические структуры подобного типа – это не просто риторические украшения. Они образуют априорную логику: если X – жидкость (или животное, болезнь и т.д.), то из этого следует, что правильной политикой по отношению к X будет сдерживание. Метафорические проекции в некоторых сообществах говорящих, например эпистемических сообществах политических экспертов, могут быть единодушно приняты за реальность. Но в результате их фокус может быть слишком узким, может оттеснять другие дискурсы и факты. Метафорические проекции способны ограничить мышление, начать жить собственной жизнью независимо от других форм доказательств и рассуждений.

Результатом вхождения метафор Кеннана в официальный дискурс стало затмение других возможных политических курсов, в частности более «открытых» и коммуникативных концептуальных моделей, которыми

¹ Цит. по перев.: Кеннан Дж.Ф. Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеологи. – М., 1989. – № 12. – С. 218–239. – Прим. пер.

² Напр.: «содержать жидкость в запечатанной колбе», «эпидемию сдержали», «она сдерживала эмоции» («contain the liquidina sealed flask», «the epidemic has been contained», «she contained here motions»).

пользовались Рузвельт и его военный министр Генри Л. Стивенсон. Действительно, кажется, что «Длинная телеграмма» прямо или косвенно не изменила взглядов президента Трумэна, Дина Ачесона или Джеймса Бирнса, но Госдепартамент США разослал копии телеграммы в дипломатические миссии по всему миру, а министр военно-морских сил Джеймс Форрестол, главный архитектор послевоенной политики национальной безопасности, внес «Длинную телеграмму» в список «обязательного чтения» для сотен военных офицеров. В 1947 г., когда администрации Трумэна пришлось убеждать конгрессменов проголосовать за помощь Греции и Турции, именно речь госсекретаря Ачесона, структурированная вокруг метафорических образов вместилища и инфекционного заболевания, изменила ход событий и стала основой Доктрины Трумэна.

Также верно и то, что Кеннан потом отмежевался от милитаристской интерпретации сдерживания. Тем не менее здесь важно, что текст сам по себе содержал возможность подобных интерпретаций и что расцветающий дискурс безопасности продолжил кристаллизоваться вокруг тех концептов, которые мы определили и обозначили. Лучшим примером этого процесса служит документ, подготовленный Полом Нитце, известный как Директива СНБ-68 (NSC-68), который концептуально совместим с метафорической структурой «Длинной телеграммы». Документ представляет из себя призыв к массивному наращиванию американской военной силы.

Текстуальная связность Директивы СНБ-68 достигается поразительно частыми повторами небольшого числа лексических единиц, большая часть из которых суть производные от схем ВМЕСТИЛИЩА и СИЛЫ. Международная среда предстает как поле магнетических, механических и гидравлических сил, в которой два «центра» силы «поляризованы», а остальные сущности в системе «тяготеют» к тому или другому полюсу. Далее, два «центра» находятся в двух вместилищах, они создают «силу», которая наращивает «давление» внутри одного из вместилищ – внутренне репрессивного Советского Союза, – вызывая «экспансию». Из логики метафорических импликаций следует, что США – это «оплот оппозиции советской экспансии», который должен «отслеживать» или «блокировать» «распространение», «остановить» (halt) советскую «экспансию» («expansion») и сокрушить ее устремления (drive). Этот оплот должен препятствовать разворачиванию советской динамики (dynamism), «оказывать давление» (apply pressure) или противодействовать (counter-force), должен «сдерживать» (contain) советскую силу, должен отбросить ее (roll it back). США, таким образом, оказываются для Кремля «основной преградой на пути к мировому господству». Этот набор метафорических импликаций концептуально пересекается с метафорами, производными от метафор телесности, болезни и физического расстройства, как и в случае текстов Кеннана. То есть США должны поддерживать «здоровую» среду, поскольку Советский Союз – разлагающаяся (decay), извращенная (perverted) страна, содержащая «семена вырождения» (seeds of decay). Политика

сдерживания сама по себе продолжает восприниматься в терминах оказания контрдавления и сопротивления проникновению, а также изображается в виде барьера, напоминающего стену [A Report to... 1950, p. 13–14].

Концептуальная вселенная, сконструированная в Директиве СНБ-68, произвела и / или обосновала стратегию «наращивания» (building up) вооружений в «центре» (в США и Западной Европе) – что терминологически обозначалось как создание превосходящей мощи (preponderant strength) – в тоже время в рискованной форме осуществляя «сдерживание» на «периферии». Некоторые историки утверждают, что политика Ачесона и Нитце была непропорциональна существовавшим военным угрозам. Если это так, то правдоподобность их дискурса нуждается в дополнительном объяснении; возможно, убедительность воплощенных в тексте метафорических концептов частично будет служить таким объяснением.

Концептуальные системы и концептуальные изменения

Концепт безопасности, появляющийся в классических текстах реалистов в начале послевоенной эпохи, явным образом основан на схеме ВМЕСТИЛИЩА. Однако не менее очевидно, что убедительная природа реалистского дискурса зависит не от одной-единственной схемы и производных метафор, но опирается на целую сеть тесно взаимосвязанных образов, которые при этом не являются статичными, а постоянно пребывают в своей собственной дедуктивной динамике. Если рассматривать эту концептуальную сеть с точки зрения ее тесно ассоциированных кластеров, то становится очевидно, что образ ВМЕСТИЛИЩА имеет много связей с концептом государства и концептом безопасности, с концептами человеческого тела и человеческой личности, которые сами по себе используются в качестве метафор государства. Именно благодаря множеству связей в лингвистических и концептуальных системах схему вместилища тяжело сделать эксплицитной, изменить или заменить. Она дает образ, который, будучи единожды спроецирован на метафору и взят в употребление властными группами и индивидами, придает самому государству естественный характер. Именно так метафора может внести вклад в реификацию и легитимацию феномена, который возник исторически.

Именно поэтому важно принимать во внимание исторические изменения, которые привели к появлению семантических структур, конституирующих политическую культуру в современный период. Схема ВМЕСТИЛИЩЕ стала главным политическим концептом в период между XV и XVII вв., когда развивались дискурсы собственности, прав на землю, коммерции и политической теории. Это также период, в котором схема ВМЕСТИЛИЩЕ реализовывалась географически, экономически и социальными на огороженных землях (land-enclosures), в противоположность общинным (commons), в период, когда определялись границы государств-

наций, в противоположность пересекающимся юрисдикциям средневековой Европы¹. Это также было время, когда сами слова *безопасный* (*secure*) и *безопасность* (*security*) изменялись семантически – от смысла, который у них был во времена Шекспира, к концепту, основанному на схеме ВМЕСТИЛИЩА, характерной для современных социальных, экономических и политических дискурсов. Концепт суверенного государства, разработанный Гоббсом в «Левиафане», ставший каноническим текстом для эпигонов реализма, когнитивно связан с образом ВМЕСТИЛИЩА. Внутренняя логика этой образной схемы, вместе с СИЛОЙ и ПУТЕМ, прекоцептуализирует многое в дискурсе Гоббса, в частности его понятие безопасности. Схема позволяет разграничить внутреннее (себя, дружественное, интегрированное) и внешнее (другой, враждебное, анархичное). Таким же образом из схемы вместилища вытекает понятие контроля над страстями, т.е. *сдерживания* (*containing*) агрессивности. Если говорить более абстрактно, то политическое начинают представлять в пространственных терминах, и особенно через пространственный гештальт вместилища, который дает основу понятиям (и чувствам) идентичности и различия, себя и другого, суверенного государства и анархического не-государства, ясно и отчетливо разделенных граничным пределом.

Однако система мышления реалистов не является ни неизменной, ни абсолютной. Хотя она действительно закреплена в основных образных схемах, производящих смыслы, и укоренена в культурных метафорах, сами эти метафоры не являются единственными концептуальными возможностями, и это не единственные концептуальные системы, которые могут дать чувство «реального». Действительно, можно сказать, что чем больше развиваются глобальная экономика, глобальные миграции и глобальные коммуникации, тем больше эта система мысли, с ее представлениями об изолированных (*self-contained*) суверенных государствах, кажется нереальной. Подобное понимание границ особенно проблематично. Дело не в том, что идентичности и границы бесполезны, не нужны или неблагоприятны для человеческой жизни, а в том, что нужно задаться вопросом о том, *какие* из границ нужны, а какие производят негативный эффект². Так как процессы коммуникации и разные уровни интеграции увеличивают проницаемость границ и эти процессы далее ведут к пересекающимся границам во множестве сфер, то концепты идентичности и различия становятся все более важными в конфликтующих политических дискурсах³.

---

¹ Ср.: [Ruggie, 1986], о дипломатии и государствах-вместилищах: [Mattingly, 1955].

² Это становится поразительно понятным из: [Clements, 1990, p. 18–20; см. также: Camilleri, Falk, 1992].

³ Во внутренней политике важным проявлением этого является рост националистических, расистских и этноцентричных дискурсов как в Западной Европе, так и на бывших территориях советской империи.

В 1989 г. официально считалось, что военный и дипломатический подходы, основанные на реалистской картине мира, положили конец холодной войне и привели к коллапсу СССР. Этот взгляд нельзя эмпирически подтвердить или опровергнуть. Ведь также можно утверждать, что именно реалистский дискурс изобрел, оправдал и продлил холодную войну. Ясно, что концептуальная система реализма, по большому счету, не смогла предсказать события, а если бы могла, то предсказала бы и собственную кончину. Более того, можно утверждать, что с момента потери Западом своего советского врага сохранение концептуальной системы, описанной выше, было крайне дисфункциональным, когда дело касалось физической безопасности больших групп людей. Таким образом, война в Заливе в 1991 г. была «успешной», только если смотреть на нее извне, как на «внешнее» (external) столкновение государств-вместилищ, вызванное проникновением одного в другое. Оптика вместилища не позволяла увидеть уничтожение простых иракцев, курдов и болотных арабов и оставила иракский режим у власти. Сербско-хорватская война 1991–1992 гг. и последующая катастрофа также были результатом подобной оптики, так как конфликты на Балканах воспринимались многими политиками и чиновниками как гражданские войны и, таким образом, как «внутренние» проблемы. Реалистский дискурс суверенного государства указывал разнообразные, но в равной степени губительные векторы движения: с одной стороны, – он давал аргументы против интервенции, что делало миротворческие силы ООН бессильными, с другой стороны, – он оправдывал продажу оружия «суверенному государству», которое могло начать очередной виток насилия. НАТО, определяя свою роль в рамках реалистской системы мышления, не смогло после 1989 г. приспособиться к новым дискурсам глобальной политики, из которых уже не конструировалась правдоподобная картина единой угрозы со стороны чуждой Западу силы.

Дискурсы реализма и неореализма создали комплексную реифицированную совокупность мысленных образов, которые считались естественным положением дел. Очевидные недостатки этой ситуации – экономические, военные и дипломатические – привели к целому ряду попыток создать новые концепции безопасности. Попытки, осуществляемые через разные каналы и в разных формах, – это и дипломатические шаги, вдохновленные в 80-х «новым мышлением» Горбачева, и международная деятельность ученых, физиков, религиозных деятелей, и европейское движение за мир, и антиядерное движение, это специальные доклады ООН, сыгравшие важную просветительскую роль независимые комиссии вроде Комиссии Улафа Пальме 1982 г. и Доклада Брунтланн в 1989 г.¹ Однако ясно, что привычный концепт безопасности, укорененный в запутанной

---

¹ Краткий обзор этих трендов: [Buzan, 1991, p. 12–14]. Основные документы: [Concepts of security, 1986; Common security, 1982; Our common future, 1987; Ullmann, 1983; Kaldor, 1988; Walker, 1987; One world...1987; Dalby, 1990; Clements, 1990].

сети концептов государства, суверенитета и самости, нельзя легко изменить, не изменяя других частей концептуальной системы и в конечном итоге – не изменяя политическую и международную системы.

Дискурсивные попытки переориентировать мышление о безопасности произвели целый набор новых выражений вроде *общей безопасности* (common security), *всеобъемлющей безопасности* (comprehensive security), а также категорий *глобального общего достояния* (global commons) и *экологических стрессов* (environmental stress) из Доклада Брунтланн. Эти понятия появляются и осмысляются через отрицание или переформулирование реалистских метафор вместилища и силы. Похожим образом выражения *экологическая небезопасность* (environmental insecurity) и *продовольственная безопасность* (food security) бросили вызов реалистской семантике. Они заменили реалистскую связку между безопасностью, вооруженными силами и государством, концептами, имеющими отношение к базовым нуждам, т.е. теми, которые относятся к физической безопасности и выживанию индивидов, выраженными в таких понятиях, как «продовольственное обеспечение», кров и сообщество. Дискурсивная попытка разъединить глубоко укорененные в дискурсах политической современности концептуальные связи между безопасностью, государством, суверенитетом и военной мощью можно понимать как процесс демегафоризации. Такое разъединение можно помыслить как *вертикальный* переход от абстрактного и часто метафорического уровня межгосударственных отношений к более частным и материальным уровням, расширяя концепт безопасности *горизонтально*, чтобы включить экологические, социальные и индивидуальные проблемы. С точки зрения теории познания, языка и дискурса здесь идет переориентация от категорий высшего порядка и метафорических концептуализаций до значений «базового уровня». «Базовый уровень» – это уровень, на котором человеческие культуры (и специализированные группы в этих культурах) взаимодействуют физически и социально со своим окружением, создавая соответствующие концептуальные и лексические организации. На этом уровне категории легче усваиваются, запоминаются и узнаются: т.е. категория «дерево» может быть основой, отличной от субкатегорий дерева (лиственный, дуб, виды дуба) и категорий высшего порядка (роща, лес). Концепты, которые абстрактны, проблематичны, отдалены, выражаются через метафорическую проекцию от уровней базового опыта (семейное древо)¹. Я утверждаю, что доминирующее понятие *безопасности* в современный период включает множество метафорических обработок. Соответственно, дискурсы безопасности включают большое количество дискурсов, в частности экспертных дискурсов, склонных затемнять концепции и перцепции базового уровня. Дискурс

¹ О категоризации базового уровня см., напр.: [Rosch, 1973; обзор: Lakoff, 1986].

безопасности на базовом уровне будет отличаться от крайне метафоричного реалистского и неореалистского.

В некоторых отношениях скалярные различия между концептами базового уровня и метафорическими проекциями соответствуют уровням неореализма, которые отделяют индивидов в обществе от предполагаемой анархии отдаленной международной среды. Однако изменения в концепте безопасности не могут заключаться только в смене «референтов», так как речь идет обо всей системе взаимосвязанных концептов, метафор и метафорических импликаций. Реконцептуализация безопасности потребует не только демегафоризации сегодняшнего понимания, но и переформулирования множества концептуальных и дискурсивных связей с государственностью (*statehood*), суверенитетом и войной; также необходимо развить образный аппарат взаимосвязанности. Демегафоризация перенаправит мышление на индивидуальные и социальные тела, их безопасность и выживание, а не на привилегированное сохранение суверенного политического тела (*sovereign body politic*). Образы вместилища надо переформулировать в терминах физической безопасности и крова, уйдя от непроницаемых кордонов сдерживания и фантазий о защитном астрокуполе. Схемы звена и пути необходимо переформулировать, используя метафоры коммуникации, общности и транспорта, вместо разговоров о пути к постоянной стабильности и походах в поисках окончательной безопасности. А безопасность в этих трансформациях смыслов можно назвать *базовой безопасностью* (*basic security*).

Заключение

Любопытно, что антонима слову *security*, в том негативном смысле, в каком его употреблял Шекспир, нет, – слова *insecure* (небезопасный) и *insecurity* (небезопасность) являются антонимами только к современному пониманию безопасного и безопасности (*security*), представляемыми через метафоры защитных вместилищ, стабильность и закрепленность¹. Самыми близкими антонимами в старом смысле будут *care-full* (заботливый) и *care-full-ness* (забота). Эти слова можно понимать как «полная забота о» («full of care for»), «хорошо заботиться о ком-то» («taking good care of»). Геката знает, что Макбет этими качествами не обладает, так как он презрительно относится к телесным опасностям и страхам. Будучи *se-cure* (беззаботный, самонадеянный), он верит в свою неуязвимость, но тем не менее ищет

¹ В старом этимологическом смысле *secure* уже имеет негативную приставку (*se-*, *sine-*, «без»). Появление *insecure* и *insecurity* говорит о том, что знание о смысле этой приставки исчезло. Похоже, что *insecure* и *insecurity* вошли в употребление в конце 1640-х, возможно, под влиянием Английской гражданской войны, которая также служила контекстом для гоббсовского аргумента в пользу Левинафана, суверена, обеспечивающего безопасность.

безопасности в смысле современном, прибегая к насилию, что ведет его к неожиданным напастьям. Оба смысла слова *security* были доступны современникам Шекспира, но нынешние читатели могут перечитать слова Гекуты, помня, что ее понимание *security* как беззаботности и гоббсовское понимание *security* как безопасности смешались в XX в., – неспособность позаботиться о непосредственном и основном совпала с ростом амбиций достигнуть предельной безопасности военными средствами:

And you all know security
is mortals' chiefest enemy.

Пер. с англ. И.Е. Кочедыков, И.В. Фомин¹

Список литературы

- A report to the National Security Council by the Executive Secretary on United States objectives and programs on national security («NSC-68»). – Washington, 1950. – April 14. – 72 p.
- Buzan B. People, states and fear: The national security problem in international relations. – 2nd ed. – Brighton: Wheatsheaf, 1991. – x, 262 p.
- Camilleri J.A., Falk J. The end of sovereignty? The politics of a shrinking and fragmenting world. – Aldershot: Elgar, 1992. – 312 p.
- Campbell D. Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. – Manchester: Manchester univ. press, 1992. – ix, 269 p.
- Chace J., Carr C. America invulnerable: The quest for absolute security from 1812 to Star Wars. – N.Y.: Summit Books, 1988. – 367 p.
- Chilton P.A. Security metaphors: Cold War discourse from containment to common house. – N.Y.: Peter Lang, 1995. – 468 p.
- Clements K. Transcending national security: Towards a more inclusive conceptualization of national and global security // New views of international security, Occasional Paper. – N.Y., 1990. – N 1: Program on the analysis and resolution of conflicts, Syracuse. – P. 18–20.
- Common security. A Programme for disarmament, report of the Independent Commission on disarmament and Security issues under the chairmanship of Olaf Palme. – L.: Pan, 1982. – xxi, 202 p.
- Concepts of security (United Nations department of disarmament affairs, Report of the secretary general). – N.Y.: United Nations, 1986. – ix, 53 p.
- Dalby S. American security discourse: The persistence of geopolitics // Political geography quarterly. – Borough Green, Sevenoaks; Kent, England, 1990. – Vol. 9, N 2. – P. 171–88.
- Edelman M. Politics as symbolic action. – Chicago: Markham Pub., 1971. – ix, 188 p.
- Gallie W.B. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian society, new series. – 1955. – Vol. 56, N 1. – P. 167–98.
- Inside / outside. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1993. – 233 p.
- International / intertextual relations: Postmodern readings of world politics / Derian D.J. and Shapiro M.J. (eds.). – Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1989. – xxi, 353 p.
- Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1987. – xxxviii, 233 p.

¹ Перевод выполнен в рамках работы по проекту № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трандисциплинарный подход» при финансовой поддержке РФФИ / РГНФ.

- Kaldor M.* Transforming the state: An alternative security concept for Europe // Europe: Dimensions of peace / Ed. by B. Hettne. – L.: Zed Books, 1988. – P. 187–214.
- Kaplan F.* The wizards of Armageddon. – N.Y.: Simon and Schuster, 1983. – 452 p.
- Lakoff G.* Cognitive semantics // Versus. – 1986. – Vol. 44, N 5. – P. 119–154.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – xiii, 242 p.
- Larson D.* Origins of containment: A psychological explanation. – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1985. – 380 p.
- Mailloux S.* Rhetorical power. – Ithaca: Cornell univ. press, 1989. – xiv, 189 p.
- Mattingly G.* Renaissance diplomacy. – L.: Cape, 1955. – 323 p.
- On the Spatio-temporal conditions of democratic practice. – Unpublished ms., 1990. – Архив автора.
- One world, many worlds: Struggles for a just world peace. – Boulder, Colo.: L.: Rienner Publishers; L.: Zed Books, 1988. – xiii, 175 p.
- Our common future / World Commission on Environment and Development. – Oxford: Oxford univ. press, 1987. – xv, 400 p.
- Richard A.* The Poverty of neorealism // Neorealism and its critics / R.O. Keohane (ed.). – N.Y.: Columbia univ. press, 1986. – P. 255–300.
- Rosch E.* Natural categories // Cognitive psychology. – Amsterdam, 1973. – Vol. 4. – P. 328–350.
- Ruggie J.G.* Continuity and transformation in the world polity: Toward a neorealist synthesis // Neorealism and its critics / R.O. Keohane (ed.). – N.Y.: Columbia univ. press, 1986. – P. 131–157.
- Sweetser E.* From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 174 p.
- Talmy L.* Force Dynamics in Language and Cognition // Cognitive science. – Kidlington; Oxford, UK, 1988. – Vol. 12, N 1. – P. 49–100.
- The chargé in the Soviet Union (Kennan) to the secretary of state // Foreign relations of the United States. – 1946. – Vol. 6. – P. 699–708.
- The sources of Soviet conduct // Foreign affairs. – Frederick, Md., 1946–1947. – Vol. 25. – P. 575.
- Ullmann R.* Redefining security // International security. – Cambridge, MA, 1983. – Vol. 8, N 1. – P. 129–153.
- Walker R.B.J.* The concept of security and international relations theory: IGCC Working Papers. – Ballyvaughn, Ireland, 1987. – N 3: First annual conference on discourse, peace, security and international society. – 28 p.
- Wolfers A.* Discord and collaboration; essays on international politics. – Baltimore: John's Hopkins Press, 1962. – 283 p.
- Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1987. – 614 p.